

Историческая культурология

DOI 10.34685/ИИ.2022.90.41.002

Наумов Ю.М.

К вопросу изучения славяно-русской этноистории на Русском Севере

Аннотация. Автор выделяет проблему малоизученности этнической истории славян на Русском Севере, освоение которого новгородцами с X-XI вв. сформировало основу северорусских традиций, где русское судостроение доминирует. Дефицит современных исследований о славяно-русском заселении и освоении этого региона не способствует изучению истории народной культуры и путей её развития, что прослеживается при изучении народного судостроения. На севере Европейской России народные лодки сохраняют терминологию и традиции новгородского судостроения, даже в XXI веке сохранились древние плавсредства, используемые местным населением – плоты и лодки-долблёнки с древним названием: «ушкуйки», озёрные соймы и поморские карбасы. В Институте языка, литературы и истории Карельского отделения РАН никто не занимается этнической историей славяно-русов, очевидно поэтому этнографы и лингвисты часто связывают с прибалто-финскими языками происхождение этих судовых терминов. Из истории судоходства известно, что такие типы судов различных размеров, как «ушкуй», «сойма» и «карбас» с древнейших времён широко использовались русским населением в бассейнах озёр Ильмень, Ладожское и Онежское, в Поморье и на Кольском полуострове, в Поволжье и в Сибири. По мнению автора, очевидно, что эти типы судов, имеющие славяноязычные корни, не могут относиться к финским, карельским и вепским плавсредствам.

Всё сказанное об этнической истории русских в последней монографии «Народы Карелии», изданной в 2020 г., не раскрывает основополагающую роль русского народа в развитии духовной и материальной культуры Русского Севера, в освоении и использовании богатств региона. Материалы монографии позволяют автору обратить внимание на современную ситуацию изучения этнической истории, говоров и традиционной культуры коренного русского населения республики. Из-за несистемного подхода к анализу исторических процессов в свете новых данных скрыты богатейшие пласты славяно-русской истории на современной территории Республики Карелия, первого после Новгорода общего котла, в котором зарождалась история освоения Арктики и Сибири. Для изменения современной ситуации и

решения возникшей проблемы необходимо развивать направления работы по теме «Этноистория славяно-русов Русского Севера», может быть, по специальной Программе.

Ключевые слова: *Русский Север, славяно-русская этноистория, народное судостроение, ушкуй, сойма, карбас, Новгород, народы Карелии, история освоения, Арктика, Сибирь.*

*На долю водных путей сообщения выпало ...значение
первостепенного и огромной важности фактора
в деле поступательно-колониционного движения
и развития торгово-передаточной промышленности
наших предков.*

Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело

Историю освоения славянами севера Европейской России археология отсчитывает с X-XI вв., но кроме находок в раскопах, редких упоминаний в летописях и других архивных документах, ничего не свидетельствует о славяно-русском заселении и освоении этого региона [1]. Неизвестно так же, как зарождались отношения славян с местными племенами в начальный период освоения. Хотя после Новгорода этот регион был не первым в славянском продвижении из Европы на север и восток, здесь ещё более развились связи с прибалто-финским населением. Именно на Русском Севере несколько веков накапливался опыт ведения русскими крестьянами своего хозяйства при освоении малозаселённых земель и взаимоотношений с различными «инородцами», который позволил, начиная с XVII в., охотникам, промышленным и государевым людям присоединить к Московскому государству Арктику, Сибирь, Чукотку и Дальний Восток.

Особое значение этот регион имел для формирования культуры Русского Севера, являясь этнографическим ядром в области складывания северорусских традиций. Собирателем песен П.Н. Рыбников [2] первый открыл богатство русской духовной культуры Северо-Запада России и отметил причину сохранения богатырского эпоса в необходимости самоидентификации славяно-русского населения, более тысячи лет осваивающих пространства среди автохтонного населения [3].

Этническая история освоения Русского Севера и межрегиональных связей теснейшим образом связана с развитием транспортной системы, обеспечивающей как процесс формирования самих историко-культурных областей, так и их историческое взаимодействие. Реки бассейнов Онежского озера, Белого моря и Северной Двины обусловили географически освоение славянами центрально-северной зоны европейской части России, составляя фактически её этногеографическую основу, связанную системами волоков, речными и морскими путями с Поонежьем и Заонежьем, Двинским, Мезенским и Печорским краями. Такие центры, как Холмогоры, Устюг Великий, Тотьма, Вологда, Белозерск и Вытегра имели исключительное значение в использовании водно-волоковых путей для освоения огромных пространств Русского

Севера. Именно из этих центров в XVI-XVIII вв. пролегла для северных русских дорога на побережья и острова Арктики, в Западную и Восточную Сибирь и далее на Чукотку и Аляску – в земли Русской Америки. При этом шло освоение бассейнов великих сибирских рек Обь, Енисей и Лена, открытие Чукотки и Берингова пролива, Камчатки и Дальнего Востока. Огромную роль в этом продвижении северного русского по происхождению населения «встречь солнцу» сыграли традиционные лодки и соймы всех бассейнов и более крупные водные средства передвижения, в частности – поморские лоды, насады, кочи, шитики и карбасы.

Заонежье и архипелаг Кижские шхеры известны как заповедники, сохранившие древнюю народную духовную и материальную культуру русскоязычного населения. Кроме былин древнего Киева здесь сохранились древние плавсредства – плоты и лодки-долблѣнки с древним названием «ушкуйки», насады и соймы, используемые местным населением даже в XXI веке. Ансамбли деревянных церквей, часовни, традиционные крестьянские дома, хозяйственные постройки, инвентарь, большие и малые онежские соймы, рыбацкие лодки сохраняют терминологию и традиции допетровского и даже новгородского русского судостроения [4]. Имеющие славяноязычные корни малые суда «ушкуй», «карбас» и «сойма», широко применяемые русскими, не имеют отношения к карельским и вепским плавсредствам. Свои комментарии о происхождении названий этих традиционных судов автор приводил в ранее опубликованных монографиях [5].

Н.П. Загоскин относит «ушкуй» к типу «лёгких судов исключительно северного происхождения ... фигурирующий в памятниках, начиная с XIV века» [6], сравнивает ушкуи с лодками-однодеревками древней Приднепровской Руси, происхождение названия судна производит от названия дощаников типа «учан» или древнеславянских «шкаба», в значении лодки, челна. Необходимо обратить внимание на географию широкого использования терминов «ушкуй и ушкуйники» населением Европейской части России – от Новгорода до Урала и от Белого моря до Каспийского. Но изучающие этноисторию карел и вепсов современные исследователи считают, что термин «uskoі» был заимствован в самом начале переселения русских новгородцев в Заонежье у вепсов Южного Приладожья [7], а другие производят его даже из старо-вепского языка [8]. Некоторые этнографы и лингвисты связывают с прибалто-финскими языками происхождение и судовых терминов «сойма» и «карбас», используемые русским населением на Кольском полуострове и в Поморье, на всём Русском Севере, в Поволжье и в Сибири.

Некоторые исследователи фиксировали, что иногда вепсы называли лодки, как долблѣные, так и из досок, «карбас». По поводу этого термина Президент Санкт-Петербургского «Национально-культурного вепского общества В.П. Трифоев сказал: «Может быть, называть лодки «карбас» стали позднее те вепсы, которые приезжали из Питера, но это слово не вепское. Вепсы очень редко использовали этот термин, особенно в дальних лесных деревнях, скорее могли называть те, кто жили у больших водоёмов» [9]. Автор также считает, что изначально название «карбас», как и термин «корабль», очевидно, произошло, от славянского корня «кора» или «корыто».

Название лодки или небольшого судна карбас связано с развитием славянского судостроения, так как оно до сих пор распространено у русского населения, проживающего вдоль важных водно-волоковых путей и на побережьях Белого моря.

«Сойма» с XIV века упоминается в новгородских документах [10] и является одним из самых известных русских традиционных судов, поэтому в заключение описания судостроения на Ладожском озере необходимо проанализировать имеющиеся о ней сведения. В XVII- XVIII вв. сойма указывалась в числе «староманерных судов» вместе с лодьями, насадами, стругами, бусами, паузками. В середине XIX в. А.П. Андреев сообщает: «сойма – наше родное судно!», она «наборная» – доски обшивки скреплены в нахлест [11]. Это подтверждает и ареал распространения различных плавсредств с общим термином «сойма» в наиболее оживлённых районах судоходства, где проживает русское население – на озёрах Ильмень, Псковское, Ладожское и Онежское, на Белом и Баренцевом морях, в Поморье на р. Онега и в бассейне р. Волга [12].

Автор так же считает, что это судно славяно-русского происхождения, а термин «сойма» имеет славяноязычные корни: «суем-сейм» определяется как «со-брание» (от приставки «со-» и древнеславянского корня «ем», «йети» (“јѣмъ” от “јетѣ”) – «братъ», т.е. «собранная» [13]. Это соответствует применению термина к «наборной» лодке и плоту, «собранного» из пучков брёвен. Например, в Нижегородском Поволжье «сойма» – «большой, тяжёлый грузовой плот из трех-четырех маток, бревна в которых укладывались в 4–5 рядов <... > состоявший из 18–20 тысяч деревьев» [14]. Такие огромные плоты имеют название «сойма» более чем вероятно, потому что были собраны из десятков тысяч брёвен.

В доказательство утверждения о славяно-русском происхождении типа и названия судна рассмотрим, как интерпретируют происхождение судового термина «сойма» известные словари русского языка. В середине XIX в. «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля В.И., сообщает, что «сойма» – речное и озёрное судно Мариинского сообщения» [15]. У него же приводятся и объясняются однокоренные слова: существительные – «соймище, сойма, суим, суем, соим, сонм, сбор, собранье, сходка» [16]; и глаголы – «соймать – взять, брать, достать, у(при, со)брать» [17]. Очень важную роль в словообразовании этого термина имеет приставка «со-», которая применяется в значении со-бирать вместе – соединять, совокуплять одно к одному ... || собранье, сбор, ... в одно место ... || сборка судна, лодки ... || Собор – собранье [18]. Ладожская сойма определяется, как «наборная» [19], понятно, что «набор» как технология постройки корпуса, собранного из скреплённых досок, является важным признаком этого типа судна.

В 1950 г. в Германии на немецком языке был издан «Этимологический словарь» М.Р. Фасмера (в 1959-1961 гг. был переведён на русский язык. – Ю.Н.), в котором сойма определяется как «одномачтовое палубное судно» (хотя все большие палубные соймы двухмачтовые. – Ю.Н.), и обозначает географию его применения: «ладожск., онежск., (Даль), олонекц., (Кулик.), арханг.

(Подв.)». Здесь же у него хорошо рассмотрена славянская этимология термина сойм-«seim»-сонм-суём как «крестьянская сходка», от «со-» и корня «братъ». Не принимая во внимание близость русских слов, он определяет, что происхождение судового термина «Заимств. из олонецк. Saimi «небольшое парусное судно с палубой», люд., вепс., soim, фин. soima «крупная лодка, плашкоут» [20], хотя в словаре В.И. Даля об этом не было сообщения. После выхода в 1971 г. русского издания словаря М.Р. Фасмера его версия карельско-вепско-финского происхождения термина «сойма» широко расходится в большинстве исследований, посвящённых этнической истории прибалто-финнов (славяно-русская этноистория Северо-Запада России до сих пор слабо изучена. – Ю.Н.). С того времени многие этнографы и лингвисты связывают происхождение «соймы» и судовый термин целой группы различных плавсредств на Русском Севере и в Поволжье с прибалто-финскими народами, хотя достаточной аргументации для этого не приводится. Такие предположения в отношении происхождения судовых терминов этих традиционных русских судов основаны лишь на том, что они изредка встречаются у карел, вепсов и финнов, причем только в Приладожье.

В экспедициях автором зафиксировано, что в карельских деревнях на северо-востоке Приладожья и в Поморье судовый термин «сойма» никогда не использовался и даже не был известен местному населению. По результатам экспедиционных опросов автора, даже карельские промысловые рыбаки на севере Ладоги никогда не пользовались соймами и, тем более, не строили их. Никакие карельские лодки так не назывались, только несколько старожилов вспомнили, что во второй половине XX в. соймы ещё были в рыбацких колхозах на юге Ладожского озера и в устье реки Свирь [21].

Приведённые сведения из разных источников XIX-XXI вв. (в т.ч. специальных по судостроению) и экспедиционные исследования автора позволяют сделать вывод, что соймы изначально являлись славянскими и русскими судами. На Ладожском озере соймы не использовались карелами в промыслово-хозяйственной деятельности, они не строились финнами, которые после приобретения сойм на русских ярмарках или построенных по заказу могли пользоваться ими для перевозки хлеба под этими названиями [22]. По мнению автора, очевидно, что соймы так же можно исключить из перечня традиционных ладожских лодок финнов и карел и из списка судовых терминов, имеющих происхождение от прибалто-финских народов.

Занимаясь историей традиционного судостроения и судоходства, автору приходится изучать различные артефакты, подтверждающие, что на Русском Севере русское судостроение доминирует, но малоизученность этнической истории славян создаёт дефицит современных материалов доказательной базы. К сожалению, всё ещё не вскрыты богатейшие пласты славяно-русской истории, которые могли бы помочь в современных исследованиях народной культуры и путей её развития. В Институте языка, литературы и истории Республики Карелия, как и прежде, нет не только славистов, но и русистов, никто не занимается этнической историей славяно-русов. Только в Петрозаводском государственном университете двумя специалистами ведётся

определенная работа по изучению местных русских говоров, но их усилий явно недостаточно для освещения всего круга проблем, связанных с местной диалектологией и тем более этноисторией. Это весьма парадоксально для края, где некогда были записаны огромные массы славяно-русских фольклорных текстов, включая былины (старины) киевского и новгородского циклов, плачи-причитания, а также другие образцы местного фольклора. Три основных района с коренным русским населением – Поморье, Заонежье и Пудожье (включая Водлозеро) сохраняли до последнего времени прекрасные образцы речевой культуры ладожского, новгородского и псковского исходов. Некоторые современные исследования историков доказательно развивают концепцию о славянах как первых насельниках в Восточной Европе вообще и на Русском Севере в частности. Согласно этой концепции, носители финно-угорских языков пришли на Русский Север намного позднее.

К 100-летию Республики Карелия под эгидой РАН по решению учёного совета Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН за счёт средств федерального и республиканского бюджетов при поддержке Минкульта РФ издана монография «Народы Карелии. Историко-этнографические очерки». Некоторые замечания по монографии позволяют автору сделать выводы о современной ситуации с изучением этнической истории, говоров и традиционной культуры коренного русского населения Республики (цитируемые далее тексты из монографии выделяются *курсивом*. – Ю.Н.).

Книга представляет свод современных знаний о карелах, вепсах и русских, которые являются коренными народами, и в полной мере отражает диспропорцию в изучении этноистории и фольклора прибалто-финского и славяно-русского населения Республики. На взгляд некоторых специалистов, книгу «Народы Карелии» вполне можно использовать как показатель неудовлетворительной ситуации в этом направлении исследований русских Севера (в т.ч. по мнению самих авторов монографии. – Ю.Н.).

В книге «Народы Карелии» приводятся сведения о том, что в 2010 году в Республике Карелия прибалто-финнов было 9,3% (карел, представляющих титульную нацию с 1920 г., – 7,4%), финнов – 1,4%, вепсов – 0,5%), русского населения – 82,2%. Такова исторически сложившаяся пропорция народонаселения. Но при этом, что весьма показательно, из 670 страниц основного текста 77% посвящены всем этнолокальным группам карел и вепсов (по 11-12 глав). Только 23% объёма монографии содержат информацию по одной локальной группе – русских Заонежья (всего 7 глав) и, к сожалению, не представлены коренные русские Поморья, Водлозерья и Пудожья, которые отнесены к субэтническим группам «с административно-локальным самосознанием».

В 1920 г. название части бывшей территории Олонецкой губернии «Карельская трудовая коммуна» перешло в современное название Республики. В Предисловии монографии происхождение этнонима «карья» (karja) возводится «к германским истокам (др.-герм. *harja, что означает (военный) отряд», хотя есть и более натуральные версии, связанные с отдельными местами расселения этого племени (возможно, на возвышенностях). Утверждается, что к концу I – началу II тыс. н.э. карелы и вепсы (т.е. отдельные роды, даже не объединённые в

племена к моменту прихода славян. – Ю.Н.) «уже занимали территорию нашего края», и только в XII-XIII вв. начинается освоение края новгородскими славянами, «положившее начало этнообразованию русских на этой территории» [23].

Во Введении к разделу «Русские Карелии» лишь обозначены исторические и этнолингвистические вопросы изучения этноистории русского населения, русского языка и диалектов со ссылками на различных авторов. Можно привести основные положения научной составляющей информации о русских [24]: «Русский язык на территории Карелии <...> с одной стороны, литературный язык, с другой – диалекты и говоры. Началом формирования русских говоров Карелии можно считать период появления в XII-XIII вв. первых новгородских колонистов, знаменовавший <...> начало т.н. «новгородского этапа» в освоении Русского Севера. Однако, по мнению А.С. Герда, все основные диалектные ареалы и границы между ними сложились в дославянский период (какие границы, между кем? – Ю.Н.) и отражают гораздо более древние финно-угорские типы этнолингвистических отношений (кого с кем? – Ю.Н.) [Герд, 2011]. <...> выделяют два основных типа русских старожильческих диалектов – онежский и поморский, характеризующихся наличием прибалтийских субстратных признаков (а древне-славянских? – Ю.Н.) и имеющих свои особенности на всех языковых уровнях. <...> Массовое заселение русскими крестьянами относится к XIII-XIV вв. (в это время уже не только новгородцами. – Ю.Н.) <...> В сер. XIX в. в Карелии выделялось несколько обособленных групп русских, особенности традиционной культуры и самосознание <...> К субэтнической группе русских в Карелии могут быть причислены поморы <...> На путях проникновения русских из Обонежья в Поморье через Сегозерье сформировались две этнолокальные группы русских Карелии – заонежане и выгозёры. Образование происходило под непосредственным и сильным языковым и культурным влиянием соседнего карельского населения (насколько сильным и в чём? – Ю.Н.), а окончательное обрусение неславянского этнического компонента Заонежья и Водлозерья произошло не позднее сер. XIX в. [Логинов, 1986, 1993]».

На с. 518 сообщается об этнолокальной группе водлозер: «образовалась на основании преимущественно саамского и древневепского этнических компонентов, разбавленных (? – Ю.Н.) русскими выходцами <...> К востоку и юго-востоку – пудожане <...> русское население с административно-локальным сознанием (? – Ю.Н.)». По второй группе отмечается языковое и культурное влияние карел на русских в Заонежье: «сказалось на народном наречии обеих групп, их этническом самосознании и специфике традиционной культуры, отдельные элементы которой (тип лодки, тип выездной дуги) стали восприниматься в качестве одного из этнодифференцирующих признаков (какой традиции? – Ю.Н.)». Кроме указанных «постулатов», во Введении сообщается только о политической и социальной составляющей деятельности современного государства, различных общественных организаций, о проектах национальных и культурных обществ на исторически русских территориях.

В Главе 1 описаны основные тенденции демографического развития русских Карелии и отмечается, что *«этим (демографическим развитием. – Ю.Н.) во многом определяется этническая история русского народа Олонецкой губернии»*.

В Главе 2 даётся общая характеристика и происхождение русских Заонежья и этническая история этой группы. Причём авторы отмечают, что в книге будет представлена только эта группа, как более детально исследованная, т.к. *«не все из обособленных групп русского населения на территории к настоящему времени достаточно хорошо изучены в историко-этнографическом отношении»* (хотя в 2006 г. вышла монография К.К. Логинова «Этнолокальная группа русских Водлозерья». – Ю.Н.).

В сложной многовековой истории Заонежья, сохранившей былины древнего Киева и Новгорода, выделяются основные тенденции его заселения с XII в. русскими – носителями *«неразделённого лсковско-новгородского диалекта»*. Авторский коллектив признаёт малоизученность этой темы, констатируя что *«современные научные знания позволяют уточнить лишь отдельные позиции»* [25]. Очевидно, именно поэтому у авторов возникает вопрос *«о возможном языковом и этнокультурном наследии “эпохи викингов” I-II тысячелетий»* [26] (что это за эпоха на территории Русского Севера? – Ю.Н.). Приводятся сведения об археологических памятниках юго-восточного Приладожья, которые *«отразили связи с западом <...> и активное участие в международной торговле <...> пушниной»* (кого: новгородцев или карел? – Ю.Н.). Упоминаются группы контролирующих эту торговлю *«сообществ варягов-колбягов» не определённых в этноязыковом смысле* (варяги и колбяги – славяне. – Ю.Н.). *Смелое предположение <...> о западно-славянском – «вендском» следе в Заонежье <...> поиски наследия в лексике, топонимии, народных преданий и былинных сюжетов [Агапитов, 2011, 2018] требуют дальнейших доказательных исследований* (значит надо начинать! – Ю.Н.).

Выдвигается предположение, что *«западнославянские сюжеты и артефакты могли оказаться на территории Заонежья не в VIII-IX вв., а уже в следующем – II тысячелетии. «Вендский элемент» мог быть даже новгородским наследием – который не восходит к правосточнославянскому, а характеризуется западнославянскими сходжениями. О собственно русской колонизации можно говорить не ранее сер. XIII в.»* [27], что противоречит результатам упоминавшейся работы Н.А. Макарова [28].

В книге «Народы Карелии» приведено много другой разнородной и не разработанной информации о русских, к сожалению, не дающей ясного понимания исторических и этнических процессов взаимодействия и совместного освоения славяно-русским и карельским населением территории современной Республики Карелия. Из-за несистемного подхода к работе и отсутствия анализа исторических процессов в свете новых данных по теме скрыты богатейшие пласты славяно-русской истории на современной территории Карелии, первого после Новгорода общего котла, в котором зарождалась русская история Севера. Всё сказанное об этнической истории

русских в книге «Народы Карелии» не раскрывает основополагающую роль русского народа в освоении и использовании богатств Русского Севера.

Чтобы проанализировать научную составляющую работы ИЯЛИ КарНЦ РАН по изучению славяно-русской этноистории, нужно посчитать в процентном отношении объём научных тем, статей и выпускаемой научной литературы в год по всем трём группам основного населения за последние 30 лет и сравнить с периодом работы КарО АН СССР.

Подзаголовок «Историко-этнографические очерки» в определении жанра научной работы «Народы Карелии» раскрыт в предисловии к книге, где отмечается, что попытка представить материалы по каждому народу, ограничена разной степенью изученности *«параметров каждого этноса»*, поэтому имеет пробелы, что предполагает *«наметить новые направления научных изысканий»*. Из вышесказанного следует, что существующий дисбаланс в изучении русских нарушает понимание этнических процессов на Русском Севере и может привести к размыванию исторически сложившихся отношений между коренными народами нашего края (что уже и происходит в последнее время. – Ю.Н.). Отсутствие исследований и сведений по славянской этноистории приводит вообще к размытости представлений об истории освоения Русского Севера и причинах огромного богатства и разнообразия народной культуры и её наследия. Работа по изучению этноистории и фольклора славян и русских должна вестись системно, результаты публиковаться и популяризироваться в равных объёмах с материалами об этноистории, диалектах и фольклоре карел и вепсов.

Для изменения современной ситуации и решения возникшей проблемы необходимо наметить главные направления в работе по теме «Этноистория славяно-русов Русского Севера» и развивать изучение исторических процессов по специальной программе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Современный историк располагает слишком скудным материалом, чтобы воссоздать полную картину колонизации. Недостаток информации о начальных этапах колонизации может быть в значительной мере восполнен археологическими исследованиями. <...> в основу книги положены материалы, имеющие непосредственное отношение к начальному периоду освоения Севера, – вещественные остатки и письменные свидетельства». (См.: Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. – М., 1993.)

[2] «<...> пришлось проехать более двух тысяч вёрст от Петрозаводска – через Заонежье до границ Архангельской губернии на север и Вологодской губернии на восток». (Песни, собранные П.Н. Рыбниковым : в 3 т. : Т. 1 / под ред. Б.Н. Путилова. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – С. 48.)

[3] «<...> причиной поэтической природы жителей и их поселения на Украине между Корелю и Чудью, где они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славном киевском и новгородском прошлом». (Там же. С. 50.)

- [4] См.: *Наумов Ю.М.* «Кижанка» – лодка Онежского озера : исторический очерк о судостроении и судостроении Кижских шхер. – Петрозаводск, 2011.
- [5] *Наумов Ю. М.* “Veneh” – лодка по-карельски : О народном судостроении и судоходстве карел в районах их традиционного проживания и ведения хозяйства. – Петрозаводск, 2017; он же. “Laut”, “kart” и “venjah”. Вепсское народное судостроение и судоходство. – Петрозаводск, 2020.
- [6] *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. – Казань, 1910. – С. 395.
- [7] *Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). – СПб.: Наука, 1993. – С. 70.
- [8] «Зафиксированное в др.-шведской хронике под 1320–1321 гг. в рассказе о событиях на Ладожском озере слово *usko* вместе с его синонимом *hapa*, ср. совр. фин. *haarjo* ‘челн из осины’, свидетельствует древность своего бытования в исследуемом регионе. Й. Миккола полагает, что вепсская форма *us`ko* восходит к более древней *wiskoi*». (*Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. – СПб., 2003. – С. 411.)
- [9] *Наумов Ю.М.* “Laut”, “kart” и “venjah”... С. 63.
- [10] «1366 г.: “Того лета Великого Новгорода новгородцы в Нижнем Новгороде гостей поимали и пограбили, в соймах.” 1395 г.: “И толико бысть побито от обою в соймех ...”» (*Шилов А.Л.* Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. – М.: Наука, техника, образование, 2008. – С. 110.
- [11] *Андреев А.П.* Ладожское озеро. Ч. 1. – СПб., 1875. – С. 35-37.
- [12] Там же; *Шубин И.А.* Волга и Волжское судоходство. – М., 1927. – С. 253.
- [13] со – совместно (совозводить, совозносить, совозвстать, соучаствовать, совоитель), совокуплять (соединять, собирать вместе). (*Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка : в 4 т. : Т. 4: Р-Я. – М.: Терра, 1995. – С. 255.)
- [14] При этом длина соймы превышала 200 м, а в некоторых случаях доходила до 380 м. Ширина – до 35 м. Эти огромные плоты шли из реки Ветлуги самосплавом. Впереди, на самом краю соймы, на обеих сторонах устанавливались *крамболы* для подвешивания якорей, средний крамбол служил для лота. (Традиционное судостроение в Нижегородском Поволжье / *Филиппов Ю.В., Сомов В.А., Кузьмина Т.А.* и др. // Речная жизнь : Сб. материалов науч.-практ. конф. – Свияжск, 2021. – С. 532-533.)
- [15] *Даль В.И.* Указ. соч. С. 262.
- [16] Там же. С. 171, 262, 270, 357.
- [17] Там же. С. 245.
- [18] Там же. С. 141-142, 255-261.
- [19] *Андреев А.П.* Указ. соч.
- [20] Сойм, род. п. – а, м. – «крестьянская сходка», сойма ж. – то же, суйм, суём(см). Из приставки «съ» и корня “ъмъ” от “јеті” – «братъ», др. польск. “seim”, род. п. “sjemu”, польск. “sejm” (Брюкнер 484); см. Миккола, Veruhr. 163. см. сонм, суём. (*Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. – М., 1996. – С. 707.)
- [21] Экспедиционные дневники автора. Архив музея «Кижы». Ф.1, оп.3 № 4114, с. 49.

- [22] См.: *Наумов Ю.М.* "Veneh" – лодка по-карельски...; он же. К вопросу о народном судостроении и судоходстве карел // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России : Т. 1 / под общ. ред. А.В. Огорокова. – М.: Ин-т Наследия, 2020. – С. 274-374).
- [23] Народы Карелии : Историко-этнографические очерки / КарНЦ РАН. – Петрозаводск, 2019. – С. 8.
- [24] Там же. С. 515-516.
- [25] Там же. С. 529.
- [26] Там же.
- [27] Там же.
- [28] См.: *Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье...

Наумов Юрий Михайлович

заместитель руководителя Морской арктической комплексной экспедиции,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва)
Email: eglovo@gmail.com

Naumov Yu.

The question of the study of slavic-russian ethnohistory in the Russian North

Abstract. *The author highlights the problem of the little studied ethnic history of the Slavs in the Russian North, the development of which by the Novgorodians from the X-XI centuries formed the basis of the North Russian traditions, where Russian shipbuilding dominates. The lack of modern research on the Slavic-Russian settlement and development of this region does not contribute to the study of the history of folk culture and the ways of its development, which can be traced in the study of folk shipbuilding. In the north of European Russia, folk boats preserve the terminology and traditions of Novgorod shipbuilding, even in the XXI century, ancient watercraft used by the local population – rafts and dugout boats with an ancient name - "ushkuiki", lake soymes and Pomeranian carbases have been preserved. At the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Branch of the Russian Academy of Sciences, no one deals with the ethnic history of the Slavic-Rus, obviously, that is why ethnographers and linguists often associate the origin of these ship terms with the Baltic-Finnish languages. It is known from the history of shipping that such types of vessels of various sizes as the Ushkui, Soyma and karbas have been widely used by the Russian population since ancient times in the basins of Lakes Ilmen, Ladoga and Onega, in Pomerania and on the Kola Peninsula, in the Volga region and Siberia. According to the author, it is obvious that these types of vessels with Slavic-speaking roots cannot belong to Finnish, Karelian and Vepsian watercraft.*

Russian Russian ethnic history in the latest monograph "Peoples of Karelia", published in 2020, does not reveal the fundamental role of the Russian people in the development of the spiritual and material culture of the Russian North, in the development and use of the riches of the region. The materials of the monograph allow the author to pay attention to the current situation of studying ethnic history, dialects and traditional culture of the indigenous Russian population of the republic. Due to the non-systematic approach to the analysis of historical processes in the light of new data, the richest layers of Slavic-Russian history are hidden on the modern territory of the Republic of Karelia, the first common cauldron after Novgorod, in which the history of the Arctic and Siberia exploration was born. To change the current situation and solve the problem that has arisen, it is necessary to develop areas of work on the topic "Ethnohistory of the Slavo-Russ of the Russian North", may be according to a special program.

Key words: *Russian North, Slavic-Russian ethnohistory, folk shipbuilding, ushkuï, soyma, "karbas", Novgorod, the peoples of Karelia, the history of development, the Arctic, Siberia.*

Naumov Yuri Mikhailovich

Deputy Head of the Marine Arctic Complex Expedition,
Russian Scientific Research Institute
for Cultural and Natural Heritage named after D.Likhachev (Moscow)

© Наумов Ю.М, 2022.

Статья поступила в редакцию 16.12.2022.

Url: http://cr-journal.ru/rus/journals/602.html&j_id=54